

Пыпин Александр Николаевич

**Панславизм в прошлом и
настоящем 1878**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич П.**
Панславизм в прошлом и настоящем 1878 / Пыпин Александр Николаевич –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 199 с.

ISBN 978-5-519-80072-3

ISBN 978-5-519-80072-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

другую славянскую народность—сербовъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ 35 лѣтъ, и переживаемый нами политическій моментъ, когда выросшія и окрѣпшія славянскія государства взяли на себя инициативу новой войны, имѣетъ мало общаго съ тѣмъ моментомъ, когда въ такой же борьбѣ съ Турціей имъ приходилось прибѣгать къ помощи Россіи. Тѣмъ не менѣе многія страницы очерковъ Пыпина о панславизмѣ кажутся написанными точно вчера и потому печатаемая нами книга далеко не является только „историческимъ документомъ“; напротивъ она безъ всякаго сомнѣнія еще на долго сохранитъ свое значеніе для русскаго читателя.

Не посягая на какія-либо исправленія Пыпина, хотя бы и въ неизбѣжно устарѣлыхъ частностяхъ ²⁾, мы предлагаемъ его работу въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она впервые появилась въ печати; и лишь въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мы сочли нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя—весьма немногія—указанія библіографическаго и пояснительнаго характера.

В. Водовозовъ.

¹⁾ Она появилась въ свѣтъ въ Вѣстникѣ Европы, 1878, №№ 9-12.

²⁾ Такъ, напр., нельзя въ настоящее время говорить, что польская литература совершенно неизвѣстна въ Россіи, что западные славяне почти совершенно незнакомы съ Россіей и т. п.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введеніе	1
I. Европейскія мнѣнія о панславизмѣ въ прежнее время .	3
II. Факты славянскаго возрожденія	16
III. Общій характеръ и источники славянскаго возрожденія .	46
IV. Трудности вопроса	54
V. Русскій панславизмъ	73
VI. Славянофилы.—Славянскіе комитеты.—Съѣздъ 1867 г. .	105
VII. Политическое броженіе въ Австріи передъ 1848 г.—Славянскій съѣздъ въ Прагѣ.—Мнѣнія Штура	124
VIII. Западно-европейскіе и славянскіе протесты противъ панславизма	145
IX. Общія замѣчанія	162

Было время, когда въ европейской литературѣ много говорили о панславизмѣ; о немъ опять много говорилось по поводу послѣднихъ событій въ славянскомъ мірѣ, и большей частью толки были самые неблагопріятные. Всего чаще говорятъ о панславизмѣ, какъ объ опасномъ и зловредномъ политическомъ движеніи: англійскій первый министръ ¹⁾, по словамъ газетъ, заботился объ уничтоженіи «панславистскаго заговора» на Балканскомъ полуостровѣ; рассказываютъ, что Бисмаркъ «ненавидитъ» панславизмъ; венгерскіе депутаты, а также, конечно, и первый министръ ²⁾, считаютъ необходимымъ положить конецъ «панславистскимъ проискамъ»; даже французскія газеты (напр. недавно Débats) находятъ, что противъ панславизма должно принять мѣры (теперь и приняты, съ разныхъ сторонъ, довольно сильныя мѣры, въ родѣ австрійской «оккупациі» Босніи и Герцеговины) и т. д. Чтò именно разумѣется здѣсь подъ панславизмомъ, рѣдко кто съ точностью объясняетъ; но обыкновенно подъ этимъ именемъ понимается ожидаемое политическое объединеніе и возвышеніе славянскаго міра подъ вліяніемъ Россіи, или, ближе, распространеніе надъ славянскимъ міромъ прямого (или въ крайнемъ случаѣ косвеннаго) господства Россіи, которая такимъ образомъ получитъ приращеніе къ своимъ и безъ того опаснымъ силамъ и наконецъ захватитъ себѣ Балканскій полуостровъ. Въ Европѣ, почти единогласно, желаютъ предотвратить или уничтожить этотъ ожидаемый фактъ. Чтò нѣмецко-венгерское общество въ Австро-Венгріи нимало не расположено къ «панславизму»,—это слишкомъ извѣстно; не менѣ

¹⁾ Лордъ Биконсфильдъ. ²⁾ Коломанъ Тисса. [В. В—88].

известно, что къ нему не расположены въ Германіи, въ томъ числѣ, какъ говорятъ, крайне не расположенъ такой могущественный политическій человѣкъ, какъ Бисмаркъ. Но если въ европейскихъ государствахъ мнѣнія страны имѣютъ въ концѣ концовъ большое вліяніе на ходъ политики — какое значеніе имѣлъ тройственный союзъ? ¹⁾ Если онъ, тѣмъ не менѣе, существовалъ, не слѣдуетъ ли заключать, что Россія вовсе неповинна въ «панславизмъ»? Но тогда откуда эти не перестающія требованія о необходимости его уничтоженія? Что же, наконецъ, представляетъ собою панславизмъ: существуетъ ли онъ дѣйствительно, — можно ли и въ какомъ смыслѣ прилагать это названіе къ современному движенію славянства, — какова была и есть роль Россіи въ этомъ движеніи? На этихъ вопросахъ мы хотѣли остановиться въ настоящемъ трудѣ.

Событія, происходившія въ послѣдніе годы и относящіяся въ область «панславизма», были самага потрясающаго свойства: они способны были возбудить и дѣйствительно возбуждали самыя живыя сочувствія и надежды, потомъ разочарованіе, негодованіе... Теперь, одинъ періодъ событій можно считать завершеннымъ, и не бесполезно было бы обратиться къ историческому разъясненію предмета, которому до сихъ поръ давалось слишкомъ мало вниманія. На Балканскомъ полуостровѣ продолжаются потрясенія, которыя даютъ страшный комментарий и дополненіе къ прошедшему.

Въ своемъ изложеніи мы будемъ держаться фактовъ, хотя бы строгіе критики, какъ не разъ бывало, обвинили насъ за недостатокъ «чувства», докринарство и т. п. Относительно нашего «чувства» скажемъ только одно: оно ни-

¹⁾ Рѣчь идетъ, не о тройственномъ союзѣ Германіи, Австріи и Италіи, (заключенномъ только въ 1882 г.), а о неоформленной какимъ-либо договоромъ политической дружбѣ между Россіей, Германіей и Австро-Венгріей, исходной точкой которой обыкновенно признается сѣздъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ въ 1872, и которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была сильнымъ политическимъ факторомъ. [В. В—въ].

когда не было то, какое выставляли на показъ хвастливые шовинисты и нѣкоторые новообращенные любители славянства—поддѣлки подъ чувство были намъ всегда ненавистны; мы не считали возможнымъ и не брали на себя говорить отъ имени русскаго народа, или даже общества; а то, что говорили три года тому назадъ, сказали бы и теперь. Наши взгляды на славянское дѣло мы, кажется, высказывали довольно вразумительно.

I.

Европейскія мнѣнія о панславизмѣ въ прежнее время.

Слово «панславизмъ» впервые появилось, кажется, съ тридцатыхъ годовъ, когда внутреннее движеніе славянскаго міра обратило на себя вниманіе европейскихъ политиковъ и публицистовъ. Первые десятилѣтія нашего вѣка были особенно исполнены національнаго броженія, первымъ источникомъ котораго были умственное движеніе и политическіе перевороты конца прошлаго столѣтія. Во внѣшнемъ политическомъ быту въ средней Европѣ послѣ вѣнскаго конгресса наступило время полнѣйшаго господства такъ называемаго «полицейскаго государства», которое имѣло международный фундаментъ въ «Священномъ Союзѣ»; но жизнь переросла эту политическую форму, и подъ реакціоннымъ гнетомъ, подъ усиленнымъ стараніемъ подавить «либерализмъ», въ европейскихъ обществахъ все сильнѣе сказывалась потребность въ иномъ устройствѣ; и національно-политическихъ и внутреннихъ отношеній. Идеи политической свободы пріобрѣтали все большую силу; рядомъ съ ними шло стремленіе къ національному освобожденію и объединенію: еще было много остатковъ средневѣковаго феодализма, который держалъ разбитыми на клочки народы, чувствовавшіе свое тожество, и единственнымъ путемъ для общественнаго развитія казалось національно-политическое

объединение, которое одно обѣщало дать удовлетворение національному чувству и политическую свободу. Такое движение шло въ Германіи и въ Италіи — у нѣмцевъ путемъ теоретической политики, у итальянцевъ путемъ практической революціи, карбонарскихъ заговоровъ и маццинизма; возбужденіе умовъ было, наконецъ, столь сильно, что французская революція 1848 г. тотчасъ отозвалась и въ Германіи, въ Италіи и въ самой Австріи. Насколько, съ національной стороны, въ этомъ движеніи обнаруживались самыя глубокіе инстинкты народной жизни, показалъ результатъ, свидѣтелями котораго мы были—объединеніе Италіи и объединеніе Германіи.

Национальное движение происходило и въ славянскомъ мірѣ: оно замѣчено было съ начала столѣтія, со времени сербскаго возстанія; его видѣли потомъ въ ряду другихъ фактовъ, и оно-то названо было «панславизмомъ». По идеямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, оно не могло имѣть иного смысла, кромѣ стремленія славянскаго міра къ объединенію, какъ стремились къ подобному объединенію Германія, Италія, какъ даже на сѣверѣ Европы возникла идея скандинавскаго единства.

Слово составлено было теоретически, по предположенію; оно было неопредѣленно, какъ еще были неопредѣленны понятія объ элементахъ и дѣйствительныхъ силахъ этого движенія—не только у его постороннихъ наблюдателей (писателей нѣмецкихъ, французскихъ и пр.), но и у самихъ тѣхъ, въ чьей средѣ оно происходило. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе въ славянскихъ народахъ было несомнѣнно: оно обнаруживалось многими фактами — политическими, какъ освобожденіе (хотя еще не полное) Сербіи, возстаніе Польши; общественными, какъ оживленіе славянскаго элемента въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ; и образовательными, какъ возникновеніе цѣлаго ряда славянскихъ литературъ, заявленіе стремленій къ между-славянской солидарности и т. п.; но въ чемъ состояла истинная сущность и цѣль движенія, какой связи и объединенія искали славян-

скіе народы—этого еще не знали они сами; еще менѣе знали ихъ наблюдатели.

Эта неопредѣленность, собственно говоря, продолжается и до сихъ поръ. Правда, съ тѣхъ поръ, съ тридцатыхъ годовъ и донынѣ, было высказано не мало теорій, объяснявшихъ, какъ и въ какой формѣ должно совершиться объединеніе, не разъ дѣлались идеальныя истолкованія славянскаго національнаго существа и того, чѣмъ долженъ стать славянскій міръ для себя самого и для всей европейской цивилизаціи; но теоріи были противорѣчивы, строились на очень несходныхъ основаніяхъ, еще ни кѣмъ не были примирены, и славянское единство доселѣ остается мудренымъ вопросомъ—какъ въ теоріи, такъ и въ самой общественно-политической борьбѣ. Понятно, что тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ вопросъ былъ еще темнѣе, и практическое положеніе вещей еще менѣе давало указаній на возможное рѣшеніе.

У европейскихъ публицистовъ преобладало мнѣніе, что «панславизмъ» есть стремленіе славянскаго міра къ объединенію подъ предводительствомъ Россіи и именно такъ, что, быть можетъ, не столько сами славянскія племена ищутъ этого объединенія, сколько идетъ къ нему сама Россія, которой вообще приписывался тогда характеръ завоевательнаго государства, порядочно дикаго, но могущественнаго и грозящаго свободѣ чуть не всей Европы. Другіе, не сомнѣваясь въ тенденціяхъ панславизма, находили болѣе естественнымъ и желательнымъ иной видъ панславизма, гдѣ центромъ могла стать Польша, которая, вмѣстѣ съ западнымъ славянствомъ, составила бы, напротивъ, оплотъ Европы отъ русскаго нашествія. Польша еще не погибла подъ русскимъ владычествомъ, союзъ съ славянствомъ увеличить ея силы, а историческая вражда съ Россіей не можетъ дать ей иной роли, кромѣ борьбы противъ русскаго напора: на этомъ основаніи для Европы была бы выгоднѣе эта форма славянскаго объединенія. Третьи, особенно между самими славянами, думали, что наилучшей формой славянскаго един-

ства было бы ни то, ни другое, а свободная славянская федерация. Таковы были главные темы, которые развивались въ многоразличныхъ разсчетахъ и фантазіяхъ о будущей судьбѣ славянскаго міра.

Дальше увидимъ, насколько эти планы отвѣчали дѣйствительности; но для европейскихъ публицистовъ, какъ вообще ни мало они знали о славянскихъ народахъ и ихъ отношеніяхъ, были видимыя основанія какъ задать себѣ вопросъ, такъ и предполагать его рѣшеніе. Съ начала столѣтія славянство — не говоря о Россіи — различнымъ образомъ обращало на себя вниманіе политическими проявленіями своей жизни.

Во-первыхъ, *Россія*. До Петра Великаго извѣстная въ Европѣ немногимъ больше, чѣмъ имперія Великаго Могола, Россія вступила съ тѣхъ поръ дѣятельнымъ образомъ въ кругъ европейской политики и стала надвигаться къ югу и къ западу. Возвращеніе русскихъ земель отъ Польши, занятіе Прибалтійскаго края, утвержденіе на Черномъ морѣ съ покореніемъ Крыма,—наконецъ, послѣдовательные раздѣлы самой Польши поставили Россію въ непосредственное сосѣдство съ «Европой». Времена Екатерины окончательно ввели Россію въ кругъ европейскихъ политическихъ интересовъ; это была сила, съ которой нужно было считаться; она обнаружила и блескъ, и могущество, которое могло быть очень серьезно страшно. Берлинъ уже бывалъ въ русскихъ рукахъ. Политическое возростаніе Россіи шло быстрымъ, чѣмъ внутреннее развитіе и образованность: Европа видѣла военную и политическую силу, но еще не видѣла самостоятельной образованности, общественной жизни; видѣла поверхностное вліяніе европейскихъ обычаевъ наряду съ первобытной дикостью, и не только при Екатеринѣ, но и при Александрѣ, когда Россія была одно время центромъ европейскихъ событій, когда ея борьба съ Наполеономъ была рѣшающимъ моментомъ европейской исторіи,—даже въ это время въ Европѣ не отвыкли отъ старыхъ представленій о «варварской», «полу-азіатской» Россіи. При всей